

ЕВРОПЕИЗАЦИЯ ЧЕРНОГОРИИ КАК ФАКТОР ЭВОЛЮЦИИ ЧЕРНОГОРСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А. В. Малешевич

Малешевич Анастасия Валерьевна
Московский государственный институт международных отношений (МГИМО МИД России), пр. Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия.
Эл. почта: anastasia.maleshevich@gmail.com. ORCID 0000-0001-6894-3978.

Аннотация. В статье рассматриваются трансформации национальной идентичности в Черногории, происходящие под влиянием участия страны в процессе евроинтеграции. Идентитарная динамика оценивается на примере дискурса православного славянского большинства жителей Черногории, которое с определенного момента разделилось практически в равных долях на черногорцев и сербов. Методологическая рамка европеизации выводит в фокус проблематику внутренних изменений, связанных с влиянием Евросоюза на страны-кандидаты, которые в процессе евроинтеграции сталкиваются с различными требованиями, затрагивающими значимые основания национальной идентичности. В случае Черногории и стран «Западных Балкан» о связи некоторых изменений на уровне национального дискурса и фактора Евросоюза можно говорить на основании того, что эти решения отражают нормативную рамку ЕС (в т.ч. Копенгагенские критерии, Соглашения о стабилизации и ассоциации и весь корпус *acquis communautaire*), соответствуют позиции Брюсселя по постъюгославскому урегулированию, не ставят под вопрос проевропейский партийный консенсус и тем самым не блокируют процесс реформ, не препятствуют конвергенции в области внешней политики. Автор приходит к выводу, что проявлением европеизации Черногории является усиление поляризации между двумя доминирующими группами — сербами и черногорцами. Во-первых, по мере усиления партийно-политического размежевания по вопросу ориентации на союз с Сербией или на Запад (евроатлантический вектор) преобладавшая среди православного большинства черногорская идентичность распадается на две взаимоисключающие этнокультурные модели идентичности — черногорскую и сербскую. Происходит эрозия проекта черногорской гражданской нации. Оформляется сравнительно новый цивилизационный раскол по линии Запад–Антизапад и усиливается ощущение геополитического вызова. Осуждение югославского социалистического проекта, неприемлемого в ЕС, приводит к поиску новых источников легитимности и архаизации национального дискурса.

Ключевые слова: европеизация, Черногория, Евросоюз, национальная идентичность, цивилизационный дискурс, архаизация.

Образование новых государств на постъюгославском пространстве актуализировало вызовы национального строительства для бывших республик Федерации. Практически параллельно с обретением суверенитета начался процесс встраивания постъюгославских государств в сферу влияния Евросоюза: все страны находятся на разных стадиях интеграционного процесса, несмотря на конфликтное прошлое. Черногория достаточно быстро прошла путь от последней лояльной Сербии республики, *сербской Спарты*, до признания независимости Косова и вступления в НАТО. Черногорское общество имеет сильную тенденцию к поляризации. В последние годы произошли значимые трансформации на уровне национальной идентичности. Специфика этих изменений связана с неустойчивым, амбивалентным характером идентификации православного славянского большинства жителей страны, а именно со взаимным наложением черногорской и сербской идентичностей.

Поскольку очередная фаза нациестроительства в Черногории развивается на фоне процесса евроинтеграции, то для оценки идентитарной динамики может

быть востребована исследовательская рамка европеизации. В предметном поле европейских исследований — на стыке международных отношений и сравнительной политологии — под европеизацией понимается процесс трансформаций на национальном уровне, вызванных влиянием Евросоюза (Börzel, Risse, 2003; Caporaso, Cowles, Risse, 2001; Radaelli, 2000; Vink, 2003; Латкина, 2013; Шульга, 2015). Методологически исследования европеизации опираются главным образом на традицию нового институционализма и завязаны на проблематику поведения акторов, то есть имеют ограничения, присущие позитивистской оптике. Отталкиваясь от базовых концептуальных установок исследования европеизации, мы рассматриваем национальные трансформации в постструктуралистской традиции радикального конструктивизма, то есть исключительно на уровне динамики идентитарного дискурса, не обращаясь к объективно измеримым категориям.

В рамках европейского интеграционного процесса страны бывшей Югославии минус Словения плюс Албания формируют группу т.н. «Западных Балкан»¹ — государств, пока что не являющихся членами ЕС (к ним относится и Черногория). Европеизации стран «Западных Балкан» посвящены различные исследования (Bieber, 2012; Džankić, Keil, Kmezić, 2018; Fagan, Sircar, 2015; Elbasani, 2014; Radelić, 2013), но основное внимание ожидаемо уделено институциональному строительству, публичной политике и т.д. Категория национальной идентичности встречается в контексте евроинтеграции «Западных Балкан», но скорее как «независимая переменная», то есть препятствие, объясняющее проблемы адаптации региона к нормам ЕС (Freyburg, Richter, 2010; Subotic, 2011). Напротив, нас интересует, как европейский вектор Черногории влияет на черногорскую идентичность. Таким образом, ставится цель раскрыть содержание и динамику национального идентитарного дискурса в Черногории в контексте участия страны в процессе евроинтеграции. Важно также отметить, что в статье не рассматривается отдельно дискурс национальных меньшинств, проживающих на территории Черногории, — албанцев, бошняков (мусульман), хорватов, цыган и др. В черногорских официальных документах никак не урегулирован формальный статус сербов, которые сейчас составляют около 30% населения страны и не считают себя национальным меньшинством или диаспорой². Следовательно, черногорская идентичность изучается через анализ дискурса православного славянского большинства жителей Черногории.

Во втором разделе статьи представлен краткий обзор черногорской идентичности и основных линий размежевания. В третьем разделе показано усиление фактора ЕС в черногорской политике и то, как это отражается на понимании национальной идентичности. В заключительном разделе выведены основные трансформации национальной идентичности сербов и черногорцев.

Примеры, иллюстрирующие различные дискурсивные практики, в тексте обозначены *курсивом*.

Основные характеристики черногорской идентичности

Классическая и наиболее распространенная концептуализация черногорской нации предложена в 1945 году югославским коммунистическим функционером

¹ Здесь и далее термин употребляется в кавычках, поскольку ни лишен политической ангажированности.

² Srbi u Crnoj Gori: Manjina, dijaspora ili autohtoni narod? Radio Slobodna Evropa. 28.08.2018. Retrieved from <https://www.slobodnaevropa.org/a/srbi-crna-gora-narod/29457957.html> (accessed 11.03.2022).

Таблица 1. Соотношение сербов и черногорцев в Черногории (переписи 1948–2011 гг.),%⁴
 Table 1. Ratio of Serbs and Montenegrins in Montenegro (censuses 1948–2011),%

	1948	1953	1961	1971	1981	1991	2003	2011
Черногорцы	90,7	86,6	81,4	67,2	68,5	61,9	43,2	45
Сербы	1,8	3,3	3,0	7,5	3,3	9,3	32,0	28,7
Мусульмане*	0,1	1,5	6,5	13,3	13,4	14,6	Мусульмане	
							4	3,3
							Бошняки	
							7,8	8,6

и впоследствии диссидентом родом из Черногории М. Джиласом. В тексте «О черногорском национальном вопросе»³ впервые предпринимается попытка синтеза и преодоления двух радикальных течений: идеи полного отделения черногорской нации от сербской, с одной стороны, и уничтожения черногорской индивидуальности («сербанизации»), с другой стороны. Так, *черногорцы бесспорно относятся к сербской ветви южнославянских племен, [...] сербы и черногорцы имеют общее (сербское) национальное происхождение, один корень, но развитие наций и национального самосознания шло различными путями.* Послевоенная югославская политика была направлена на завершение процесса черногорского нацистроительства в формате второго сербского государства, самобытной в историко-политическом, но не в этнокультурном смысле, черногорской (гражданской) нации.

Дуалистичный характер идентичности — черногорский *homo duplex* (Darmanović, 1992, 28) — заметен по сильным колебаниям в соотношении сербов и черногорцев в переписях населения (см. табл. 1), поскольку это одни и те же люди, которые по-разному себя идентифицируют в зависимости от политического контекста. Многие представители православных христиан Черногории могли иметь одновременно черногорскую и сербскую идентичности (Džankić, 2013, 415).

Проблематика черногорской идентичности заключается в том, что изначально ни этнические, ни конфессиональные, ни языковые критерии не позволяли провести ясный раздел с сербской нацией.

Конвенциональный нарратив подразумевает, что в Средние века на территории Черногории располагалось княжество Дукля, которое в XII в. вошло в державу Неманичей под именем Зета. Великий жупан Рашки и основатель династии Стефан Неманя происходил родом из Зеты. В современной Черногории специфика средневекового княжества Дукля (Зета) является предметом дискуссий: многие подчеркивают его самостоятельный, *несербский* характер и потерю независимости в результате *аннексии* со стороны Рашки (Rastoder, 2003, 109), *неманичевской оккупации*⁵. Различные теории об этногенезе жителей средневековой Дукли формируют

³ O crnogorskom nacionalnom pitanju. Milovan Đilas 1. maja 1945. Retrieved from <http://www.srpskosnedje.rs/sr-l/1998/11/article-12.html>

⁴ Источник данных переписей населения с 1948 по 1981 г. Nacionalni sastav stanovništva SFR Jugoslavije. Retrieved from <https://pod2.stat.gov.rs/ObjavljenePublikacije/G1981/Pdf/G19814001.pdf> (accessed 14.03.2022). Данные с 1991 по 2011 гг. Monstat. Uprava za statistiku. Popisi. Retrieved from <https://www.monstat.org/cg/page.php?id=56&pageid=56>

⁵ Dr Živko M. Andrijašević. Crna Gora I Stefan Nemanja – osvajač ili povratnik na dedovinu. Montenegroina. Retrieved from https://www.montenegroina.net/pages/pages1/istorija/nemanjici/cg_i_stefan_nemanja.htm

автохтонную концепцию черногорской нации, где большое внимание уделяется дославянским (иллирийским, романским) мотивам, Средиземноморью, влиянию католической церкви (Bogićević, 2020).

Во времена османского завоевания Черногория сумела сохранить частичную самостоятельность. По крайней мере, идея непокоренности стала опорным элементом черногорской национальной мифологии. Из истории антиосманского сопротивления вышли мифы о Черногории как *сербской Спарте* и о *черногорцах как лучших из сербов*⁶.

В национальном дискурсе распространены указания на племенную структуру черногорского общества. В XVII–XVIII вв. в Черногории управление осуществлялось на уровне межплеменных организаций, а идентификация с племенем имела принципиальное значение (Pavlović, 2003, 86).

Фактически с XVI по вторую половину XIX в. Черногория считалась теократией, только с 1697 г. титул *владыки* стал наследственным и был закреплен за выходцами из племени Негошей, последней черногорской династией Петровичей Негошей. Теократический характер ранней черногорской государственности подразумевает тесные связи с Сербской православной церковью (СПЦ). Бесспорной представляется сербская, или *славяносербская*, идентичность династии Петровичей, среди представителей которой выделяется самый почитаемый южнославянский поэт Петр II Петрович Негош, автор поэмы «Горный венец».

Во времена правления династии Петровичей формируется также культ России. Традиционная русофилия отчасти объясняет жесткие репрессии в отношении черногорцев после конфликта И. Тито с Коминформбюро в 1948 г. Многие из черногорских коммунистов сохранили просталинскую ориентацию и видели в Сталине *красного царя*.

Формирование линии размежевания между сербами и черногорцами относится к началу XX в. и связано с потерей черногорской государственности на фоне образования Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1918 г. В ходе Подгорицкой скупщины, когда принималось решение об объединении с Сербией, образовалось две фракции: *зеленаши* (сторонники независимости) и *белаши* (унионисты). Именно отношение к вопросу государственности, а не этнокультурные критерии, долгое время было определяющим. Изначально т.н. черногорский сепаратизм (*зеленаши*, федералисты в первой Югославии) воспринимался как *надсербство*, а не *антисербство* (Raković, 2019, 5). В идейном смысле некоторые *зеленаши* и *белаши* со временем заняли крайние точки спектра — от отрицания славянского происхождения черногорцев до идеи их полного растворения в сербской нации. В отмеченной концепции М. Джиласа ставилась задача создать компромиссную модель черногорской нации на базе партизанского освободительного движения. Поскольку сейчас все чаще отмечается возрождение межвоенных расколов из первой половины XX в. (Đukanović, 2014), предполагаем, что это связано со сломом югославского социалистического консенсуса.

Усиление фактора ЕС в политике Черногории

Европейская перспектива для стран бывшей Югославии (не считая Словении) и Албании официально провозглашена на саммите ЕС–Западные Балканы в Сало-

⁶ «Srpska Sparta» i «najodličniji Srbi». B92. 04.03.2011. Retrieved from https://www.b92.net/info/vesti/pregled_stampe.php?yyyy=2011&mm=03&dd=04&nav_id=496904

никах в 2003 г. (EU-Western Balkans Summit Declaration). Помимо Копенгагенских критериев, в которых определены основные условия членства в ЕС, политической рамкой для евроинтеграции стран региона стал Процесс стабилизации и ассоциации (ПСА), инициированный в 1999 г. Центральным элементом ПСА являются двусторонние Соглашения о стабилизации и ассоциации (ССА), основанные главным образом на *acquis communautaire*, но включающие также индивидуальные условия для каждого из потенциальных государств-членов. Черногория подписала ССА в 2007 г. В 2012 г. начались официальные переговоры о вступлении в ЕС. По состоянию на середину 2022 г. открыты все 33 главы (из них три временно закрыты), но прогресс наблюдается далеко не по всем. Перед Черногорией не стоят фатальные политические вызовы, как, например, необходимость признания независимости Косова для Сербии. Основные сложности на пути дальнейшей евроинтеграции Черногории лежат в области верховенства права, особенно по части борьбы с коррупцией и организованной преступностью, и свободы прессы.

Участие Черногории в процессе евроинтеграции связано с внутренними изменениями в соответствии со стандартами ЕС (европеизация). Мы предполагаем, что идентитарные трансформации связаны с прямым или косвенным влиянием Евросоюза, на основании следующих положений.

Во-первых, принятие решений и проведение реформ, которые соответствуют нормативной рамке ЕС, в том числе Копенгагенским критериям и всему корпусу *acquis communautaire*, а также специальным требованиям, зафиксированным в Соглашениях о стабилизации и ассоциации.

Во-вторых, согласие с позицией ЕС по постъюгославскому урегулированию. В частности имеют значение такие эпизоды как давление на последнего президента Югославии С. Милошевича, участие европейских стран в агрессии НАТО, позиция по косовскому кризису и Международному трибуналу по бывшей Югославии (МТБЮ).

В-третьих, формирование проевропейского партийного консенсуса и снижение влияния евроскептических или антизападных сил, которые могли бы парализовать процесс евроинтеграции.

В-четвертых, согласование внешнеполитической линии с геостратегическим видением Евросоюза.

Отмеченные пункты не носят взаимоисключающий характер. Далее представлена периодизация, позволяющая отследить рост влияния фактора ЕС в черногорской политике.

1989–1997: лояльность югославскому проекту

Будучи самой маленькой по территории и численности населения республикой, Черногория до последнего сохраняла лояльность Белграду. На референдуме в марте 1992 г. 95,4% жителей (при явке 66,04%) проголосовали за сохранение единого государства⁷. С учетом того что этнические меньшинства (албанцы, бошняки и др.) бойкотировали референдум, соотношение явки и структуры населения (см. предыдущий раздел) позволяет сделать вывод, что практически все, кто идентифицировал себя как черногорцев, поддержали сохранение Югославии, то есть союза с Сербией.

⁷ Zvanični rezultati referenduma 1992. godine. Centar za monitoring. Retrieved from <https://web.archive.org/web/20090214045300/http://cemi.cg.yu/izbori/referendum1992/zvanicnirez.htm>

Референдуму предшествовала т.н. «антибюрократическая революция», в результате которой к власти в Черногории пришли сторонники нового сербского лидера С. Милошевича. Преемницей Союза коммунистов Черногории стала Демократическая партия социалистов (ДПС) во главе с М. Булатовичем и М. Джукановичем. Центральной темой «антибюрократической революции» было положение сербов в автономном крае Косово и Метохия на фоне роста албанского сепаратизма в конце 1980-х гг. Массовые акции протеста в Титограде (Подгорица), Колашине, Никшиче проходили как митинги солидарности с косовскими сербами под лозунгами «*Жизнь отдадим — Косово не дадим*», «*Долой бюрократию, долой предателей*»⁸. В первой половине 1990-х гг. Черногория полностью следует политическому курсу Белграда и делит с Сербией бремя международных санкций. Большинство православного населения страны в 1992 г. считает себя черногорцами (61,9%). Программный лозунг одного из лидеров ДПС М. Джукановича в 1993 г. полностью соответствует югославской традиции: «*Мы гордимся сербским происхождением и черногорской государственностью*», гарантированной авноевскими принципами (границы Черногории, установленные на заседаниях Антифашистского вече народного освобождения Югославии, АВНОЮ). В 1991–1992 гг. черногорские подразделения Югославской народной армии (ЮНА) участвуют в осаде Дубровника на фоне сербско-хорватских столкновений в Республике Сербской Краине.

Таким образом, в первой половине 1990-х гг. носителями черногорской идентичности выступали практически все православные жители страны, а содержательно преобладала югославская, преимущественно надсербская, модель черногорской нации. Политическим консенсусом считалось сохранение единого с Сербией государства. Выразителями альтернативных линий стали с черногорской стороны новые суверенистские силы (Либеральный союз и Социал-демократическая партия Черногории), с сербской — антиюгославские унионисты (Народная партия). Они придерживались этнокультурных (взаимоисключающих) концепций черногорской и сербской наций и антикоммунистических взглядов, но имели ограниченное влияние. Уже тогда обозначились, во-первых, проевропейская ориентация суверенистского дискурса, во-вторых, внутреннее противоречие эмансипационной риторики — при декларативном стремлении к построению *гражданской Черногории* большие усилия прилагались для этнокультурной артикуляции черногорской нации для отделения ее от сербской, что заложило мину под евроатлантический проект черногорской гражданской нации как альтернативу югославскому.

1997–2006: формирование проевропейского консенсуса

Поворотной точкой для современной черногорской государственности и идентичности стал раскол правящей Демократической партии социалистов в 1997 г. Причиной конфликта стало даже не отношение к идее выхода из состава Югославии (унионистский консенсус еще не был нарушен), а поддержка С. Милошевича, который в тот момент оказался главным объектом критики западных стран. Фракция ДПС во главе с М. Джукановичем отказалась от поддержки официального Белграда, а группа М. Булатовича основала главную унионистскую Социалистическую народную партию (СНП). Новый курс ДПС подразумевал укрепление евро-

⁸ 25 godina od mitinga koji označio početak AB revolucije. Vijesti 25. Retrieved from <https://www.vijesti.me/vijesti/politika/266686/25-godina-od-mitinga-koji-je-oznacio-pocetak-ab-revolucije>

атлантической ориентации и одновременно сецессионистских тенденций. Партия открыто критикует режим Милошевича и постепенно сокращает свое участие в совместных югославских институтах вплоть до введения параллельной валюты (сначала немецкой марки, потом евро). После 1998 г. Черногория начинает получать финансовую помощь от ЕС на проведение реформ: всего в период с 1998 по 2010 г. объем финансовой помощи составил 408,5 млн. евро (Commission Opinion...2010, 7). Больше всего помощи Черногория получила в 1998–1999 гг. на фоне эскалации кризиса в Косове. Во время бомбардировок НАТО в 1999 г. черногорское руководство заняло нейтральную позицию, хотя удары наносились также по территории Черногории. В 2000 г. президент М. Джуканович принес публичные извинения за участие Черногории в осаде Дубровника.

Унионисты в большинстве своем придерживаются проюгославской линии, тяжело переживают агрессию НАТО и символически разворачиваются к России и Белоруссии, хотя в строгом смысле такой альтернативы не существовало. С другой стороны, унионистские силы антиюгославской направленности, которые традиционно считались просербскими, если не *великосербскими*, переходят на проевропейские позиции.

Отождествление суверенистского и проевропейского векторов было поставлено под вопрос после «бульдозерной революции» и свержения С. Милошевича в 2000 г. Подписание в 2002 г. Белградского соглашения, которое заложило основы для союзного государства Сербии и Черногории, стало возможно благодаря прямым политическим интервенциям на тот момент Верховного представителя ЕС по общей иностранной политике и политике безопасности Х. Соланы. Поэтому новое государство иногда называли *Солания*, чтобы подчеркнуть его навязанный характер. В Белградском соглашении закладывался трехлетний период, когда изменение государственного статуса невозможно (Agreement on Principles...2002, 2) — его в Подгорице использовали для подготовки «развода» с Белградом.

В июне 2005 г. парламент Черногории принимает знаковую «Декларацию о присоединении к ЕС» (Deklaracija o pridruživanju evropskoj uniji, 2005). Все политические партии, независимо от их политической ориентации и позиции по вопросу отделения от Сербии, выражают «приверженность идеям европейской интеграции» и подтверждают оформление «политического консенсуса [по этому вопросу] как необходимого предварительного условия для быстрого присоединения к ЕС».

В определении процедуры референдума о независимости в 2006 г. Евросоюз также сыграл решающую роль. Стандартной формулой для того, чтобы считать референдум успешным, считалась бы ситуация, при которой абсолютное большинство избирателей поддержит независимость — такой позиции придерживался унионистский блок. Альтернативное решение предложил ЕС: 55% по отношению к действительным голосам. Представители ЕС провели переговоры с руководителями ведущих унионистских партий и убедили их принять новую модель. По итогам референдума предложение о независимости поддержали 55,5% избирателей, явившихся на участки, и 47,5% — от общего числа избирателей.

Таким образом, накануне референдума о независимости достигнут широкий межпартийный консенсус, утверждающий евроинтеграцию как стратегическую цель. Политический компромисс вокруг референдума, достигнутый при непосредственном участии ЕС, привел к упадку старых партий унионистского блока, маргинализации югославской концепции черногорской идентичности и усилению

этнополитического размежевания (см. следующий раздел). Подписанное в 2007 г. Соглашение о стабилизации и ассоциации включает требования, которые усиливают намеченную поляризацию (среди них внешнеполитическая конвергенция).

2000 — настоящее время: этнополитическая поляризация

Поляризация национальной идентичности православного большинства по линиям партийно-политического размежевания началась практически одновременно с расколом ДПС. Две последние переписи населения проводились в 2003 и в 2011 гг. и подтвердили эту тенденцию: черногорцы и сербы составляют соответственно 43,3% и 32% в первом случае; 45% и 28,7% во втором случае. Эта тенденция сопровождалась эскалацией церковного и языкового вопросов, а также отсутствием компромисса по новым государственным символам.

Автокефальность ЧПЦ «возвращена» в 1993 г. Затем она прошла регистрацию в качестве неправительственной организации в 2000 г. В 2019 г. парламент одобрил закон «О свободе вероисповедания и убеждений и правовом положении религиозных общин Черногории», которым предполагается укрепление институционального статуса ЧПЦ через, в том числе, посягательство на собственность Сербской православной церкви (СПЦ) в Черногории. Закон вызвал массовые протесты верующих и привел к победе условно просербской оппозиционной коалиции «Демократический фронт» на выборах в 2020 г. В ходе переговорного процесса с Черногорией ЕС не считал проблемой внутренние разногласия по церковному вопросу, но после продолжительных протестов последовало вмешательство Комиссара по вопросам расширения О. Верхейи, так что действие закона приостановлено (Лункин, 2020, 102).

Обособление черногорского языка от сербского и затем придание ему статуса единственного государственного в новой Конституции Черногории (2007 г.) вызвало непонимание даже части носителей черногорской идентичности. В предыдущей Конституции 1992 г. государственным значится «сербский язык иекавского типа произношения». В рамках стандартизации черногорского языка в алфавит были введены две новые буквы.

Новый закон о государственных символах принят в 2004 г. и до сих пор вызывает дискуссии (*Zakon o državnim simbolima...2004*). Символика указывает в основном на преемственность с независимым Княжеством/Королевством Черногорией до 1918 г. Основным предметом недовольства стал новый гимн Черногории, где в одном куплете используются строки из стихотворения коллаборациониста Секулы Дрлевича (Ђукановић, 2014, 405), сторонника *автохтонной* концепции черногорской нации.

Значительную роль в консолидации суверенистского лагеря на ранних этапах сыграли партии меньшинств, которые обеспечили коалиции во главе с М. Джукановичем парламентское большинство (Bieber, 2002). В связи с этим в дискурсе появились многочисленные упоминания *мультиэтничного, мультикультурного, мультиконфессионального* характера черногорской государственности. В действительности декларативная мультикультурность не означала построения в Черногории гражданской нации, а имела инструментальный характер.

Маргинализация унионистско-югославской линии и подмена гражданского проекта черногорской нации этнокультурным привели к возрождению просербских, или теперь уже просто сербских, политических сил на новых *цивилизационных*, или этнокультурных, принципах. Созданный в 2012 г. оппозиционный Демократический фронт объединяет несколько партий, отстаивающих интересы сербов

в Черногории и в основном разделяющих идеологию правого центра. Они выступают против политики *десербизации* и соответственно разделяют консервативный клерикалистский дискурс, который стал своего рода реакцией на *антисербскую* политику власти, обусловленную ее приверженностью *евроатлантическому* проекту, и заполнил дискурсивный вакуум, образовавшийся после референдума о независимости. Последние десять лет отмечены усилением идентитарной повестки с обеих сторон: вопросы языка, церкви и истории практически вытеснили другие темы из публичных дискуссий.

К усилению внутренней конфликтности привели сначала решение Черногории о признании независимости Косова в 2008 г., а затем присоединение к антироссийским санкциям в связи с украинским кризисом в 2014 г. Оба решения следовали из переговорной повестки Черногории и ЕС. В 2016 г. стало известно о попытке государственного переворота в Черногории, к которому предположительно были причастны представители просербской оппозиции и российские спецслужбы. Впоследствии звучали предположения, что переворот был инсценирован. В 2017 г. Черногория вступает в НАТО без референдума, вопреки требованиям оппозиции. Наконец, в 2021 г. парламент Черногории — за счет голосов ДПС и партий меньшинств — проголосовал за криминализацию отрицания геноцида в Сребренице, что вызвало сильное недовольство черногорских сербов.

Оппозиция стала чаще обращаться к традиционным для Черногории (в исторической перспективе) русофильским настроениям. За носителями сербской идентичности и партиями, выражающими их интересы, закрепилось обозначение *просербских* и *прорусских*, не совсем коррелирующее с реальным влиянием России в стране, которая считается лидером евроинтеграционного процесса на Балканах. Принятие ряда внешнеполитических решений завершило оформление цивилизационного раскола по линии «западничество–антизападничество» с рядом допущений. Он заменил доминировавший в XX в. раскол на сторонников и противников черногорской государственности.

Инерция проевропейского консенсуса даже после победы оппозиции под *просербскими*, *антинатовскими* и *пророссийскими* лозунгами на выборах в 2020 г. не привела к попыткам пересмотра таких решений как признание независимости Косова, вступление в НАТО без референдума, введение антироссийских санкций. Противоречия между риторикой и политическими возможностями стали одним из факторов административного коллапса в 2022 г. и поставили вопрос об участии ДПС в поддержке правительства меньшинства (на момент написания статьи исход конфликта неизвестен).

Роль неправославных меньшинств, как их корректнее всего обозначить, в Черногории остается решающей в ситуации антагонизма между сербами и черногорцами. Новое правительство меньшинства в случае успеха возглавит албанец Д. Абазович. Предполагаем, что именно фактор меньшинств определяет присутствие дискурса о *гражданской Черногории*, несмотря на этнокультурную поляризацию большинства.

Необходимо также отметить динамику антифашистской компоненты черногорской идентичности, построенной вокруг *партизанского мифа*. Как и повсеместно в регионе, Черногория также сталкивается с историческим ревизионизмом в отношении Второй мировой войны, в частности пересмотром ролей победителей и коллаборационистских сил (как сербских, так и черногорских националистов), но все же не на государственном уровне. Особенностью черногорского случая

представляется попытка отстроить собственно *антифашизм* от коммунизма, заменив на упомянутый мультикультурный смысл, а также преуменьшение роли послевоенного югославского руководства в институционализации черногорской нации. Очевидно, предпочтение отдается более маргинальным *автохтонным* концепциям, которые продвигают ведущие национальные историки. В 1998 г. создана параллельная Дуклянская академия наук и искусств, помимо Черногорской академии, существующей с 1973 г.

Заключение: трансформация национальной идентичности в Черногории

Трансформационное влияние Евросоюза в Черногории является одновременно одним из факторов распада последней Югославии, известной как Союз Сербии и Черногории, и следствием этого разрыва, когда были сняты основные препятствия для дальнейшей евроинтеграции и европеизации. Рассматривая европеизацию в традиции радикального конструктивизма, то есть на уровне идентитарного дискурса вне акторной оптики, ее проявление можно резюмировать в виде тенденции к усилению внутренних расколов в черногорском обществе и появлению новых линий размежевания — цивилизационных, геополитических, этнокультурных. Это обстоятельство может стать основанием для применения концепции разделенных обществ на черногорский случай, если обозначенные размежевания в дальнейшем примут устойчивую институциональную форму, что пока все-таки под вопросом. Таким образом, европеизация Черногории в ракурсе национальной идентичности заключается в следующем.

Во-первых, укрепление этнокультурной модели черногорской нации и раскол идентичности православного славянского большинства на сербов и черногорцев — по линиям этнического размежевания — как двух взаимоисключающих групп. Поражение проекта черногорской гражданской нации и инструментализация меньшинств в политической борьбе черногорцев и сербов (за счет последних). Маргинализация распространенной ранее двойной идентичности, или черногорской идентичности как надсербской. Появление обвинительных терминов, указывающих на предательство «исконной» идентичности, указывает на значимость не свойственной ранее черногорскому национальному дискурсу примордиалистской риторики — *посрбица* (черногорец, ставший сербом), *расрбица* и *милогорец* (серб, считающий себя черногорцем и голосующий за лидера Мило Джукановича), *подуклица* (сторонник «навязанной» дуклянской теории *автохтонности* черногорской нации) и т.д. Фактор Евросоюза в данном случае проявился в системной поддержке черногорского суверенистского проекта во главе с ДПС М. Джукановича.

Во-вторых, оформление цивилизационной компоненты в национальном идентитарном дискурсе сербов и черногорцев. Появление цивилизационных расколов в рамках проевропейского консенсуса: неспособность конфликтующих сил преодолеть политическую инерцию евроинтеграции приводит к постоянным административным кризисам. Раскол между сербами и черногорцами проходит не по вопросу отношения к черногорской государственности, как в основном это было раньше, а по линиям цивилизационного противостояния между Западом и «Анти-Западом» (Россией), и зачастую не соответствует политической практике. Это достаточно новое явление в балканской и, в частности, в черногорской политике — югославское наследие в виде Движения неприсоединения не ставило радикально вопрос выбора между Востоком и Западом, а стремилось его преодо-

леть. Ощущение геополитического вызова, присущее идентитарному дискурсу в Черногории, следует из условий Евросоюза, требующего полного согласия со своей внешнеполитической линией.

В-третьих, ослабление югославской (социалистической) компоненты в национальном дискурсе черногорцев и сербов. Поиск альтернативных источников легитимности приводит к укреплению автохтонных концепций и архаизации национального дискурса. Вновь возрастает значение племенной идентификации, или различных теорий *древнего* характера черногорской нации, популярных, в частности, среди коллаборационистских сил в годы Второй мировой войны.

Библиографический список

- Латкина, В. А. (2013). Феномен европеизации в западноевропейских исследованиях. *Международные процессы*, 1(32), 49–62.
- Лункин, Р. Н. Борьба церкви и власти в Черногории: игры авторитарного национализма. *Научно-аналитический Вестник ИЕ РАН*, 1, 100–107.
- Шульга, М. А. (2015). Европеизация: некоторые особенности одного концепта. *Век глобализации*, 1, 88–95.
- Agreement on Principles of Relations between Serbia and Montenegro within the State Union. Belgrade (March 2002). Retrieved from https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/sg/69898.pdf.
- Bieber, F. (2012). (Ed.) *EU Conditionality in the Western Balkans*. Abingdon, New York: Routledge.
- Bieber, F. (2002). The Instrumentalization of Minorities in the Montenegrin Dispute over Independence. European Center for Minority Studies, 8. Retrieved from <https://www.ecmi.de/publications/issue-briefs/the-instrumentalization-of-minorities-in-the-montenegrin-dispute-over-independence>
- Bogičević, Č. (2020). Crnogorski autohtoni i samonikli identitet kao multikulturni diverzitet. URL: <http://svetipetaracetinjnski.org.me/wp-content/uploads/2020/09/Cedomir-Bogicevic.pdf>
- Börzel, T., Risse, T. (2003). Conceptualizing the Domestic Impact of Europe. In K. Featherstone, C. Radaelli (Eds) *Europeanization* (pp. 57–80). Oxford University Press.
- Caporaso J., Cowles M., Risse T. (Eds) (2001). *Transforming Europe: Europeanization and Domestic Change*. Cornell University Press.
- Commission Opinion on Montenegro's application for membership of the European Union. Brussels (November, 2010). Retrieved from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52010SC1334&from=EN>
- Darmanović S. (1992). Montenegro: Destiny of a Satellite State. *East European Reporter*, 27, 27–54.
- Djurić, D. (2004). Montenegro's prospect for European Integration: on a twin track. *South-East Europe Review*, 4, 79–106.
- Džankić, J., Keil, S., Kmezić, M. (Eds) (2019). *The Europeanization of the Western Balkans*. Palgrave Macmillan.
- Džankić, J. (2013). Cutting the Mists of the Black Mountain: Cleavages in Montenegro's Divide over Statehood and Identity. *Nationalities Papers*, 41(3), 413–430.
- Đukanović, D. (2014). "Identitetska pitanja" i linije unutrašnjih podela u Crnoj Gori. *Bibliid*. LXVI(3–4), 395–422. DOI: 10.2298/MEDJP1404395D.
- Elbasani, A. (Ed.) (2014). *European Integration and Transformation in the Western Balkans. Europeanization of Business as Usual?* Routledge.
- EU-Western Balkans Summit Declaration. Thessaloniki (21 June 2003). Retrieved from https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/misc/76291.pdf

- Fagan, A., Sircar, I. (2015). *Europeanization of the Western Balkans. Environmental Governance in Bosnia-Herzegovina and Serbia*. Palgrave Macmillan.
- Freyburg, T., Richter, S. (2010). National Identity Matters: The Limited Impact of EU Political Conditionality in the Western Balkans. *Journal of European Public Policy*. 17(2), 263–281.
- Montenegro 2021 Report. Commission Staff Working Document. Retrieved from https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/montenegro-report-2021_en
- Pavlović, S. (2003). Who are the Montenegrins? Statehood, Identity and Civic Society. In F. Bieber (Ed.) *Montenegro in Transition. Problems of Identity and Statehood*. Nomos Verlagsgesellschaft.
- Radaelli, C. (2000). Whither Europeanization? Concept Stretching and Substantive Change. *European Integration Online Papers*, 4(8), 25.
- Radeljić, B. (2013). *Europe and the Post-Yugoslav Space*. Routledge.
- Raković, A. (2019). *Crnogorski separatizam*. Beograd: Catena Mundi.
- Rastoder, Š. (2003). A short review of the history of Montenegro. In F. Bieber (Ed.) *Montenegro in Transition. Problems of Identity and Statehood*. Nomos Verlagsgesellschaft.
- Stabilization and Association Agreement between the European Communities and the Member States, of the One Part, and the Republic of Montenegro, of the Other Part. Retrieved from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=LEGISSUM:4314909>
- Subotic, J. (2011). Europe is a State of Mind: Identity and Europeanization of the Balkans. *International Studies Quarterly*, 55, 309–330.
- Vink M. (2003). What is Europeanization? And Other Questions on a New Research Agenda. *European Political Science*, 3(1), 63–74.
- Zakon o državnim simbolima i Danu državnosti Crne Gore (“Službeni list Republike Crne Gore”, br. 047/04 od 12.07.2004). Retrieved from <https://www.gov.me/dokumenta/b8e6c8c8-f87e-4ddd-91fd-620e5ea87a1d>

Статья поступила в редакцию 26.10.2021

Статья принята к публикации 08.12.2021

Для цитирования: Малешевич А. В. Европеизация Черногории как фактор эволюции черногорской национальной идентичности. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2021. Т. 22. № 4. С. 98–111.

EUROPEANIZATION OF MONTENEGRO AS A FACTOR IN THE EVOLUTION OF MONTENEGRIN NATIONAL IDENTITY

A. V. Maleshevich

Anastasiia V. Maleshevich

Moscow State University of International Relations (MGIMO-University), 76 pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

E-mail: anastasia.maleshevich@gmail.com. ORCID 0000-0001-6894-3978.

Abstract. The article examines the transformation of national identity in Montenegro, which is influenced by the country’s involvement in the Euro-integration process. The issue of national identity of the orthodox majority is controversial and closely related to the political orientation of the dominating groups — the Montenegrins and the Serbs. The paper argues that the EU has demonstrated both direct and indirect impact on the national identity in Montenegro resulting in ethnocultural polarization and the emergence of strong civilizational cleavage between pro-western and anti-western forces, which, in its turn, is also linked to the split between the Montenegrins and the Serbs. The decline of the socialist Yugoslav socialist model which contradicted the EU normative framework caused the search for the alternative sources of national legitimacy and led to the archaization of identity discourse. These claims are observable only if the EU normative documents and the enlargement conditionality principles are taken into consideration. The EU transformative impact on the national identity of the candidate states is regarded as a consequence of adaptive pressure from Brussels. The meth-

odology of the study is based on the radical constructivism optics that aims to identify transformations in the discourse but ignores the variables approach common in neo-institutional Europeanization research.

Keywords: Europeanization, Montenegro, European Union, national identity, civilizational discourse, archaization.

DOI 10.31429/26190567-22-4-98-111

References

- Agreement on Principles of Relations between Serbia and Montenegro within the State Union. Belgrade (March 2002). Retrieved from https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/sg/69898.pdf.
- Bieber, F. (2012). (Ed.) *EU Conditionality in the Western Balkans*. Abingdon, New York: Routledge.
- Bieber, F. (2002). The Instrumentalization of Minorities in the Montenegrin Dispute over Independence. European Center for Minority Studies, 8. Retrieved from <https://www.ecmi.de/publications/issue-briefs/the-instrumentalization-of-minorities-in-the-montenegrin-dispute-over-independence>
- Bogičević, Č. (2020). Crnogorski autohtoni i samonikli identitet kao multukulturni diverzitet. URL: <http://svetipetaracetinjski.org.me/wp-content/uploads/2020/09/Cedomir-Bogicevic.pdf>
- Börzel, T., Risse, T. (2003). Conceptualizing the Domestic Impact of Europe. In K. Featherstone, C. Radaelli (Eds) *Europeanization* (pp. 57–80). Oxford University Press.
- Caporaso J., Cowles M., Risse T. (Eds) (2001). *Transforming Europe: Europeanization and Domestic Change*. Cornell University Press.
- Commission Opinion on Montenegro's application for membership of the European Union. Brussels (November, 2010). Retrieved from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52010SC1334&from=EN>
- Darmanović S. (1992). Montenegro: Destiny of a Satellite State. *East European Reporter*, 27, 27–54.
- Djurić, D. (2004). Montenegro's prospect for European Integration: on a twin track. *South-East Europe Review*, 4, 79–106.
- Džankić, J., Keil, S., Kmezić, M. (Eds) (2019). *The Europeanization of the Western Balkans*. Palgrave Macmillan.
- Džankić, J. (2013). Cutting the Mists of the Black Mountain: Cleavages in Montenegro's Divide over Statehood and Identity. *Nationalities Papers*, 41(3), 413–430.
- Đukanović, D. (2014). "Identitetska pitanja" i linije unutrašnjih podela u Crnoj Gori. *Bibliid*. LXVI(3–4), 395–422. DOI: 10.2298/MEDJP1404395D.
- Elbasani, A. (Ed.) (2014). *European Integration and Transformation in the Western Balkans. Europeanization of Business as Usual?* Routledge.
- EU-Western Balkans Summit Declaration. Thessaloniki (21 June 2003). Retrieved from https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/misc/76291.pdf
- Fagan, A., Sircar, I. (2015). *Europeanization of the Western Balkans. Environmental Governance in Bosnia-Herzegovina and Serbia*. Palgrave Macmillan.
- Freyburg, T., Richter, S. (2010). National Identity Matters: The Limited Impact of EU Political Conditionality in the Western Balkans. *Journal of European Public Policy*, 17(2), 263–281.
- Latkina, V. A. (2013). Fenomen evropeizatsii v zapadnoevropeyskih issledovaniyakh. [Europeanization as a Social-Political Phenomenon]. *Mezhdunarodnyye process* [International Trends], 1(32), 49–62.
- Lunkin R. N. Bor'ba tserkvi i vlasti v Chernogorii: igry avtoritarnogo nacionalizma. [The Struggle of the Church and the State in Montenegro: The Games of the Authoritarian Nationalism]. *Nauchno-analiticheskiy Vestnik IE RAN* [Scientific and Analytical Herald of IE RAS], 1, 100–107.
- Montenegro 2021 Report. Commission Staff Working Document. Retrieved from https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/montenegro-report-2021_en

- Pavlović, S. (2003). Who are the Montenegrins? Statehood, Identity and Civic Society. In F. Bieber (Ed.) *Montenegro in Transition. Problems of Identity and Statehood*. Nomos Verlagsgesellschaft.
- Radaelli, C. (2000). Whither Europeanization? Concept Stretching and Substantive Change. *European Integration Online Papers*, 4(8), 25.
- Radeljić, B. (2013). *Europe and the Post-Yugoslav Space*. Routledge.
- Raković, A. (2019). *Crnogorski separatizam*. Beograd: Catena Mundi.
- Rastoder, Š. (2003). A short review of the history of Montenegro. In F. Bieber (Ed.) *Montenegro in Transition. Problems of Identity and Statehood*. Nomos Verlagsgesellschaft.
- Shul'ga, M. A. (2015). Evropeizaciya: nekotorye osobennosti odnogo koncepta [The Aspects of the Europeanization Concept]. *Vek globalizatsii* [Vek Globalizatsii], 1, 88–95.
- Stabilization and Association Agreement between the European Communities and the Member States, of the One Part, and the Republic of Montenegro, of the Other Part. Retrieved from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=LEGISSUM:4314909>
- Subotic, J. (2011). Europe is a State of Mind: Identity and Europeanization of the Balkans. *International Studies Quarterly*, 55, 309–330.
- Vink M. (2003). What is Europeanization? And Other Questions on a New Research Agenda. *European Political Science*, 3(1), 63–74.
- Zakon o državnim simbolima i Danu državnosti Crne Gore (“Službeni list Republike Crne Gore”, br. 047/04 od 12.07.2004). Retrieved from <https://www.gov.me/dokumenta/b8e6c8c8-f87e-4ddd-91fd-620e5ea87a1d>

Received 26.10.2021

Accepted 08.12.2021

For citation: Maleshevich A. V. Europeanization of Montenegro as a Factor in The Evolution of Montenegrin National Identity.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2021. Vol. 22. No. 4. Pp. 98-111.

© 2021 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).